

*М. А. Поляковская*

## ЭНИГМАТИЧНОСТЬ АРТЕФАКТОВ ПОЗДНЕВИЗАНТИЙСКОГО ОБРЯДНИКА И ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОПЫТ ИХ ИДЕНТИФИКАЦИИ\*

Церемониальные книги как исторический источник привлекательны для исследователей своей информационной многослойностью. Наряду с яркой идеологической составляющей в обрядниках присутствует наполненный предметный ряд. Понять ритуал невозможно без адекватной идентификации называемых источником артефактов, которые должны представлять для исследователя зрительный образ эпохи.

Историографическую судьбу двух названных информационных пластов обрядника — идеологического и предметного — нельзя назвать равнозначной. Если проблема освященной свыше авторитарной императорской власти всегда была привлекательна для историков<sup>1</sup>, то предметный мир поздневизантийского императорского двора изучен далеко не в полном объеме, невзирая на то, что в последние два десятилетия интерес к артефакту у историков заметно повысился. Во многом это объясняется некоторой нечеткостью, двусмысленностью сообщений источника, что отнюдь не способствует идентификации отдельных артефактов.

В какой-то степени трудности интерпретации исследователями текста поздневизантийской церемониальной книги (издания 1588, 1596, 1625, 1647, 1839 гг.) были связаны с изначально неверным определением ее хронологии и авторства. Долгое время названного в источнике в качестве его автора некоего Кодина<sup>2</sup> идентифицировали с куропалатом императорского двора Георгием Кодином<sup>3</sup> и в силу этого отождествления сам источник относи-

---

\* Работа выполнена в рамках проекта «Поздневизантийский церемониал как форма трансляции идеи могущества империи в условиях ее кризиса» при поддержке РГНФ (грант № 09-01-00158а).

ли к концу XIII в. Историографическая ситуация в значительной степени упростилась с появлением нового комментированного издания греческого текста с параллельным переводом его на французский язык<sup>4</sup>. Однако сложности идентификации названных в обряднике артефактов продолжают сохраняться.

Энигматичность отдельных артефактов, названных в обряднике, определяется тем, что исследователь зачастую лишен возможности найти им соответствующий адекват — словесный или изобразительный. Как издатель и переводчик текста поздневизантийской церемониальной книги Ж. Верпо, так и исследователи продолжают пользоваться греческими названиями предметов. Однако, упоминая эпилурик, минс, факеолиду, аир, каввадий, калиптру, лапатзу, скиадей, тампарий, селлу, мы можем только, ориентируясь на контекст, определить предмет как относящийся к одежде, головным уборам, столовым приборам или конной упряжи.

Какие же возможности для решения этой энигмы могут быть использованы исследователями? Наиболее очевидными при попытках идентификации отдельных артефактов являются два пути. Первым из них можно считать поиск словесного сходства в названиях идентифицируемого артефакта и уже известного предмета — по временной вертикали (вниз или вверх). Второй путь — это обнаружение визуальной близости исследуемого артефакта с соответствующим ему предметом, изображенным в каком-либо памятнике искусства. Приведем несколько примеров из накопленного в историографии опыта.

Наибольшее количество споров вызвал, пожалуй, скараник (το σκαράνικον), упомянутый в рассматриваемой церемониальной книге 40 раз. Значимость скараника в ритуале была велика. Цвет скараника и имеющиеся на нем изображения были своего рода индикаторами социального статуса архонта. Псевдо-Кодин, автор поздневизантийской церемониальной книги, особо выделял красные скараники с изображением императора. Они были атрибутом костюма сановников и обладателей чинов первого разряда, стоящих на иерархической лестнице сразу за придворной элитой. Его описания в тексте отнюдь не лаконичны. К примеру, деспот «но-

сит скараник с золотым и серебряным орнаментом, драгоценными камнями и жемчугом, вставленным в оправу»<sup>5</sup>. Скараник великого доместика — «ало-золотой, вышитый золотыми нитками, имеет впереди и сзади искусно сделанное изображение императора — стоящего, коронованного, с ангелами справа и слева, обведенными кругом из жемчуга, и еще одно изображение императора... имеет в круге впереди линию, вышитую жемчугом»<sup>6</sup>. Столь же пространно описывает Псевдо-Кодин декор скараников других архонтов, особенно когда этот элемент костюма имел изображение василевса, что подчеркивало высокий статус придворного в императорском окружении. Скараник великого дуки «ало-золотой, украшенный золотыми листиками, имеет искусно сделанное изображение императора впереди, сзади — императора, сидящего на троне»<sup>7</sup>. Скараник великого примикирия, как его описывает Псевдо-Кодин, был из шелка абрикосового цвета, вышитого золотыми нитками, с изображением императора впереди — стоящего, сзади — сидящего на троне<sup>8</sup>. Скараник великого друнгарня, «как и у епарха, из желто-золотого шелка, вышитого золотыми нитками. Он имеет впереди изображение императора на троне со ступеньками, сзади — портрет императора верхом»<sup>9</sup>.

Но что же такое скараник — одежда или головной убор? Попытка решения этой энигмы породила много споров в научной литературе. Начало им было положено в 1924 г. известным русским византинистом-эмигрантом Н. П. Кондаковым. Он, ссылаясь на своих предшественников (Гретцера, Гоара и Дюканжа), исходил из сходства (не аналога!) слов «скараник — скарамангий» и счел скараник, как и скарамангий X в., парадным ездовым кафтаном. Таким образом, Н. П. Кондаков, спустившись в своих поисках вниз по хронологической лестнице на четыре столетия, счел возможным отнести изучаемый артефакт к виду одежды<sup>10</sup>.

Ответом на исследование Н. П. Кондакова явилось выступление А. П. Смирнова. В этом же 1924 г. им был сделан на заседании византийского разряда Российской академии истории материальной культуры доклад, где автор доказал, что скараник является парадным головным убором. Доклад А. П. Смирнова не был напечатан, но в журнале «Byzantion» за этот же год о нем появилась

информация<sup>11</sup>. А. П. Смирнов апеллировал в своем докладе к живописному изображению великого примикирия Иоанна на иконе Пантократора (ныне — Эрмитаж, № 515), к миниатюре, запечатлевшей великого дуку Апокавка в Парижской греческой рукописи (№ 2144), и к чеканному изображению Константина Акрополита на иконе Божьей Матери Одигитрии (ныне — Третьяковская галерея, № 22722).

Обе точки зрения нашли своих сторонников. Так, Ф. Кукулис, автор известного исследования по византийскому быту, считал скараник видом одежды<sup>12</sup>. Точка зрения Н. П. Кондакова и Ф. Кукулиса оказала влияние на представления о скаранике автора этих строк при написании соответствующей главы книги «Византия: быт и нравы»<sup>13</sup>.

Большинство же авторов по аналогии с живописными и чеканными изображениями архонтов поздневизантийского времени стали определять скараник как головной убор. Этой точки зрения придерживается автор статьи «Византиногерманика: каранос — скараникон» Ст. К. Каратцас<sup>14</sup>. Издатель текста «Трактата о церемониях» Псевдо-Кодина Ж. Верпо также определяет скараник как головной убор, уточняя, что он имел яйцевидную форму<sup>15</sup>. В подстрочном примечании Ж. Верпо, ссылаясь на неопубликованное мнение А. П. Смирнова, называет, кроме указанных докладчиком, изображение протосеваста Константина Комнина Рауля Палеолога из Типика Линкольнского колледжа и др. Во всех этих светских портретах на головном уборе яйцевидной или трапециевидной формы имеется схематическое изображение человеческой фигуры. Названные исследователи отождествили это изображение с фигурой императора, которая была, судя по тексту «Трактата» Псевдо-Кодина, украшением скараника. Правда, эта деталь в costume сохранившихся от палеологовского времени светских портретов настолько условна, что, к примеру, А. В. Банк, комментируя изображение великого логофета Константина Акрополита на серебряном окладе иконы Божьей Матери, написала, что на высокой шапочке укреплен металлическая пластинка с изображением Христа<sup>16</sup>, а не императора, как указано у Псевдо-Кодина.

Итак, главным аргументом в пользу того, что скараник представляет собой головной убор, является наличие в памятниках изобразительного характера на головных уборах светских лиц пластинки с человеческой фигурой.

Обе точки зрения на скараник (либо одежда, либо шапка) нашли отражение в «Оксфордском словаре по Византии», где он назван осторожно — элементом придворного костюма<sup>17</sup>. И невзирая на то, что более убедительной на сегодня является вторая версия (скараник — головной убор), аргументы *contra* не опровергнуты. Следует привести мнение знатока греческого языка (родился и жил в Афинах!) профессора Р. М. Бартияна, который в частном письме к автору этой статьи привел следующий сугубо грамматический аргумент. В обряднике в одном из пассажей при упоминании о скаранике использовано причастие от глагола ἔνδύω (одетый скараник), применяемого только по отношению к одежде<sup>18</sup>. В частности, произведенное от этого глагола существительное τὸ ἔνδυμα означает одежду.

В качестве окончательного решения историографического спора можно обратиться к вопросу об этническом происхождении скараника. Псевдо-Кодин считал, что скараник взят византийцами из Ассирии<sup>19</sup>. П. Фурикис выводил его из армяно-ассирийских основ<sup>20</sup>. Ст. К. Каратцас писал о германском происхождении скараника, который стал элементом официального костюма во времена Мануила I в силу сильного западного влияния<sup>21</sup>. Ф. Кукулис же считал скараник одеждой северного, может быть, славянского происхождения. Аналогию слову «скараник» он видит в валашском «царанико», как называют влахи деревенскую одежду<sup>22</sup>.

Как видно из приведенного перечня мнений, вопрос об этническом происхождении скараника не решает проблемы. Псевдо-Кодин, говоря о его ассирийском происхождении, не дает возможности установить его назначение; Каратцас и Фурикис, предлагая не совпадающие версии его происхождения, единодушны в признании его головным убором, а Кукулис, склоняясь к славянскому варианту происхождения скараника, видит в нем одежду.

Вышеизложенное не имело целью окончательно решить спор, а лишь показать, что вопрос о скаранике остается спорным и обе

точки зрения имеют право на существование. Хотя изобразительный материал склоняет автора этих строк к признанию не лишенных оснований выводов А. П. Смирнова и его единомышленников, однако показателем достоверности знания об обсуждаемом предмете может быть обязательное совмещение информации источника и свидетельств художественных памятников, современных обряднику. Пока эти два вида источников наших представлений о скаранике существуют в значительной мере изолированно друг от друга. Вернее всего искать решение вопроса в сфере уточнения аналогий с деталями костюма других народов, но не путем филолого-лексических построений (как это сделано П. Фурикисом, Ст. К. Каратцасом и Ф. Кукулисом), а на основе этнографического поиска.

Не разгадав, таким образом, энигмы скараника, обратимся к другим артефактам из предметного мира поздневизантийского двора. Почти все артефакты церемониального трактата Псевдо-Кодина имеют свой историографический шлейф.

Обратимся к слову «минс» (ὁ μίνσος), употребленному Псевдо-Кодином 18 раз. Из текста обрядника совершенно ясно, что этот предмет использовался за пиршественным столом<sup>23</sup>. «Минс» в какой-то степени можно назвать ключевым словом всего ритуала официальной трапезы, поскольку последовательность выдачи минса «от императорского стола», а также само качество минса (золотой, серебряный или менее изысканный) служили цели ранжирования присутствовавших на пиру архонтов и гостей.

Доместик стола, последовательно вызывая присутствовавших архонтов сообразно его ступени в иерархической лестнице, давал с императорского стола каждому полагающийся ему минс, который императорский слуга или слуга архонта (что тоже определялось значимостью чина) нес его к соответствующему рангу его господина месту за праздничным столом. Но поскольку пространство приемного зала Влахернского дворца (куда к рассматриваемому времени вынуждены были перебраться Палеологи) было не столь велико, чтобы всех усадить за пиршественным столом, обладатели менее весомых чинов, получив минс, покидали Триклиний. После обеда золотые и серебряные минсы возвращались

в сокровищницу, но те минсы, которые были получены непосредственно из рук василевса, могли считаться императорским подарком. Несколько озадачивает то, что некоторые минсы могли складываться на землю (ἐπ' ἐδάφους)<sup>24</sup>.

В отличие от слова «скараник», «минс» часто встречается в источниках IX—X вв., описывающих придворный церемониал. Оно означает либо сервировочное блюдо, либо поднос, либо смену блюд (первое, второе блюдо, десерт)<sup>25</sup>. Кажется бы, это освобождает исследователей от поиска словесной аналогии и идентификации этого артефакта. Однако некоторая ясность по поводу функционального назначения минса в рамках византийского церемониального обеда не освобождает от сомнений относительно нюансов в проявлении этих функций в каждом конкретном случае.

Эта неясность породила некоторый разнобой в переводе слова ὁ μίνσος. Издатель текста Ж. Верпо переводит это слово как «le plateau» (видимо, поднос), К. Дитрих как «das Gedeck» (столовый прибор), М. А. Андреева — как «блюдо». Если обратиться к лингвистическим поискам, то латинское слово «mensa» означает «стол», «кушанья», «трапеза»; в церковной практике «антиминс» означает «вместопрестолie». Слово «τὸ μίνσάλιον» означает «скартерть». То есть все слова, используемые для перевода и близкие по корню, относятся к одному смысловому «гнезду», что, впрочем, не добавляет окончательной ясности.

Все-таки — что же такое «минс»? Вернее всего, это был поднос. Но какой? С ручками, чтобы было удобно нести? Или плоскость на маленьких ножках? Обрядник не дает ответа на этот вопрос, изобразительный материал отсутствует. У нас нет зрительного образа предмета, который на протяжении сотен лет играл важную регламентирующую роль в церемониальных пирах.

Обратимся еще к одному слову — «аир» (ὁ αἶρ — греч. «воздух»), имеющему отношение либо к форме головного убора, либо к его декору. Н. П. Кондаков считал, что «воздух» — это пустой объем внутри головного убора, несколько приподнимавший его над головой. По его мнению, объем головного убора формировался за счет проволочного каркаса<sup>26</sup>. Шведская исследовательница Э. Пилытц, считая «воздух» вуалью, стала, пожалуй, первой из исследователей поздневизантийских артефактов, кто позволил себе

прорисовку головного убора с аиром<sup>27</sup>. Может быть, это будет для историографов выходом на еще один путь поисков — путь зрительных ассоциаций, но все равно без новых аргументов не обойтись.

Приведенный материал позволяет сделать вывод о том, что мир поздневизантийских артефактов еще сохраняет свою загадочность для исследователей: предметный ряд, должный создать зрительный образ парадной жизни императорского двора, существует в большинстве случаев лишь в словах, не имеющих зрительного образа, и ждет своих исследователей.

<sup>1</sup> *Treitinger O.* Die oströmische Kaiser- und Reichsidee nach ihrer Gestaltung im höfischen Zeremoniell vom oströmischen Staats- und Reichsgedanken. Zweite unveränderte Auflage. Darmstadt, 1956; *Ostrogorsky G., Stein E.* Die Krönungsordnung des Zeremonienbuches // *Byzantion.* 1932. Т. 7. P. 185—233; *Hunger H.* Prooimion. Elemente der byzantinischen Kaiseridee in den Arengen der Urkunden. Wiener byzantinische Studien. Wien, 1964. Bd. 1. S. 49—83; *Grabar A.* Pseudo-Codinos et les cérémonies de la cour byzantine au XIVe siècle // *Art et société à Byzance sous les Paléologues. Actes du colloque organisé par l'association internationale des études byzantines à Venise en septembre 1968.* Venise, 1971. P. 195—221.

<sup>2</sup> Codini Curopalatae de officialibus palatii Constantinopolitani et de officiis magnae ecclesiae liber ex recog. I. Bekker (*Corpus scriptorum hist. Byz.*). Bonn, 1839.

<sup>3</sup> См., например: *Treitinger O.* Op. cit. S. 5; *Вальденберг В. Е.* История византийской политической литературы в связи с историей философских течений и законодательства / подг. изд. В. И. Земскова. СПб., 2008. С. 412—416.

<sup>4</sup> *Pseudo-Kodinos.* Traité des offices / introduction, texte et traduction par J. Verreaux. P., 1976. P. 221.3—6 (далее — *Ps.-Kod.*).

<sup>5</sup> *Ps.-Kod.* P. 152.1—11.

<sup>6</sup> *Ibid.* P. 153.11—17.

<sup>7</sup> *Ibid.*

<sup>8</sup> *Ibid.* P. 155.3—13.

<sup>9</sup> *Ibid.* P. 158.14—20.

<sup>10</sup> *Kondakov N. P.* Les costumes orientaux à la cour byzantine // *Byzantion.* 1924. Т. 1. P. 11—15; *Кондаков Н. П.* Очерки и заметки по истории средневекового искусства и культуры. Прага, 1929. С. 238—239, 259.

<sup>11</sup> *Byzantion.* 1924. Т. 1. P. 726. Информацию о неопубликованном докладе А. П. Смирнова см. также: *Смирнов А. П.* Что такое «скараник»? К вопросу об одной спорной части византийского придворного облачения эпохи Палеологов // *ВВ.* 1991. Т. 52. С. 236—237.

<sup>12</sup> Κουκουλῆς Φ. Βυζαντινῶν βίος καὶ πολιτισμός. Ἀθήναι, 1948. Т. 2. Σ. 8.

<sup>13</sup> *Поляковская М. А., Чекалова А. А.* Византия: быт и нравы. Свердловск, 1989. С. 207.



<sup>14</sup> *Caratzas St. C. Byzantinogermanica (karanos — skaranikon) // Byzantinische Zeitschrift. 1954. Bd. 47. S. 321. Amn. 4.*

<sup>15</sup> *Ps.-Kod. P. 145—146.2.*

<sup>16</sup> *Банк А. В. Прикладное искусство // История Византии : в 3 т. М., 1968. Т. 3. С. 295.*

<sup>17</sup> *The Oxford Dictionary of Byzantium. N. Y. ; Oxf., 1991. Vol. 3. P. 1908—1909.*

<sup>18</sup> *Ps.-Kod. P. 239.21—31.*

<sup>19</sup> *Ibid. P. 206.19—21.*

<sup>20</sup> *Phourikes P. A. Σκαραμάγγιον — καββάδιον — σκαράνικον // Λεξικογραφ. Ἀρχεῖον τῆς μέσος καί νεάς ἐλληνικῆς. 1923. Τ. 6. Σ. 444—473.*

<sup>21</sup> *Caratzas St. C. Op. cit. S. 327—332.*

<sup>22</sup> *Κουκουλῆς Φ. Βυζαντινῶν βίος καί πολιτισμός. Τ. 2. Σ. 8.*

<sup>23</sup> *Ps.-Kod. P. 210—218.*

<sup>24</sup> *Ibid. P. 213.28—29.*

<sup>25</sup> *См.: Constantini Porphyrogeniti imperatoris De cerimoniis aulae byzantine libri duo graece et latine / e rec. I. I. Reiskii. Bonnae, 1830. LI. 86. P. 388.9; LIII. P. 521.7; LII. 3. P. 525.9; L. 27. P. 627.1; LII. 52. P. 748.12; 751.8 etc.; Oikonomidès N. Les listes de préséance byzantines des IXe et Xe siècles. P., 1972. P. 163.17, n. 132; 165.1; 177.9; 181.7; 189.11; 203.19.35.*

<sup>26</sup> *Кондаков Н. П. Указ. соч. С. 229—230.*

<sup>27</sup> *Piltz E. Le costume officiel des dignitaires byzantins à l'époque Paléoloque. Uppsala, 1994. P. 92—93.*

Е. В. Бородина

## СУДЕБНАЯ РЕФОРМА ПЕТРА ВЕЛИКОГО В ТРУДАХ ИСТОРИКОВ «ГОСУДАРСТВЕННОЙ ШКОЛЫ» \*

В отечественной исторической науке можно выделить ряд направлений, которые оказывали значительное влияние на практику научных исследований и в течение длительных периодов определяли генеральную линию изучения истории. Среди них следует отметить так называемую «государственную школу» («школу историков-юристов») второй половины XIX столетия.

\* Работа выполнена в рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» (ГК 02.740.11.0578).